

Кабаков Илья
(Юбилей - 70 лет)

8.10.03

Лучший работник авангарда

70 лет Илье Кабакову

Про Кабакова говорят, что он вылетел из коммунальной квартиры в космос "лучшим работником русского авангарда" (определение Валентина Воробьева). Им восхищаются и его ненавидят, называют гением и шарлатаном, но равнодушным не остается никто — ведь все мы, в конечном счете, его персонажи. 30 сентября Илье Иосифовичу Кабакову исполнилось 70 лет. В честь чего в Государственном центре современного искусства открылась выставка его работ из частных собраний. Илья Кабаков, человек мира, как водится, в Москву не приехал и отмечает свой день рождения в Берлине, но тем не менее присутствует на выставке незримо — вместе с Владимиром Тарасовым он совершает перформанс "Магнитофон в сундуке", чем создает эффект собственного присутствия в пространстве. Выставка не академическая, скорее, оммаж ко дню рождения, творческая установка которого — показать деятельность художника в рамках формы и технологии. На выставке представлены его основные альбомы, малотиражные литографические издания, живопись, переходящая в объект, и две инсталляции. "Избранные места", одним словом. 70 лет Кабакова — целый век на-

лым и востребованным западной культурой.

Тогдашние встречи художников круга Кабакова не были похожи на традиционное богемное времяпрепровождение, скорее — на философские собрания с глубоким обсуждением работ, где в роли комментаторов и критиков выступали сами авторы.

Все границы были нарушены. Кабаков, собственно, и занимался размыванием барьера между эстетическим пространством и реальным. Только если для России его искусство оказалось слишком уж сближено с жизнью, оно практически не знает перехода, то для европейской культуры, где живо ощущается эта граница, оно выглядит весьма фундаментально. В то же время феномен непосредственной жизни, который способен перейти по ту сторону этой жизни прямо в искусство, — одна из поставленных Кабаковым проблем. Уже в начале 90-х годов он создал форму искусства, которую назвал "Тотальная инсталляция". В ней мы попадаем в трехмерное пространство и сами становимся его персонажами. Кабаков втягивает нас внутрь, вначале заставляя читать текст произведений искусства, включать интеллектуальный аппарат, наши размы-

— После аукциона "Сотбис" 1988 года, когда Кабаков вылетел из окна коммунальной кухни в космос, став для всего мира главным русским художником, многие коллеги по этой кухне заговорили о необычайной приспособляемости Кабакова. Да и сам художник подтвердил это — в дискуссии с тем же Янкилевским о конформизме как выборе личной судьбы. "Тысячу тысяч раз прав мой старый друг Володя Янкилевский, когда заподозрил меня в коварном желании войти в эти институты", — написал тогда Кабаков, имея в виду институты, управляющие всем современным искусством.

— Граница перехода от модернизма к постмодернизму была очень гибкой, очень эластичной. И немногие сразу увидели, что ситуация изменилась. Наша культура все-таки жила в модернизме. Проблемой было создание моста между двадцатыми годами и современной культурой. Последний всплеск модернизма завершился в Америке и Европе в 50-е годы рождением абстрактного экспрессионизма. Появился поп-арт и новый слой культуры, опирающейся на неофольклор, на мифологию города, на проблему рекламы, на новую искусственную визуальность. Кабаков был одним из немногих, кто как раз ощутил эту форму перехода. Остальные художники оставались в уже отходящем классическом авангарде, от него было трудно отказать. Но старый человек умирал, и рождался новый. А это всегда очень сложный переход от смерти к рождению.

Модернизм — великое искусство, но оно кануло в Лету. Прекратили свою жизнь традиции кубизма, исчезла проблема пространства, все перешло в новую виртуальную визуальность, включая литературу, исчезла сама непосредственность касания. А художники все еще хотели трогать, ощущать этот уходящий мир, не замечая, что он уже рухнул. В начале 20-х годов Малевич сказал, что земля мертва, вся изъедена шашками, надо ее покидать, надо улетать в космос. Кабаков фактически сделал то же самое. Он тоже ощутил, что земля мертва и тоже полетел в космос. Но Кабаков, как и Малевич, вернувшийся к 30-му году, постоянно возвращался на Землю. Это — состояние шаттла между Землей и космосом. Феномен очень высокого художественного переживания. Модернизм все время только улетал. А постмодернизм пытался находить какие-то формы в старой культуре и одновременно возвращаться к новому сознанию.

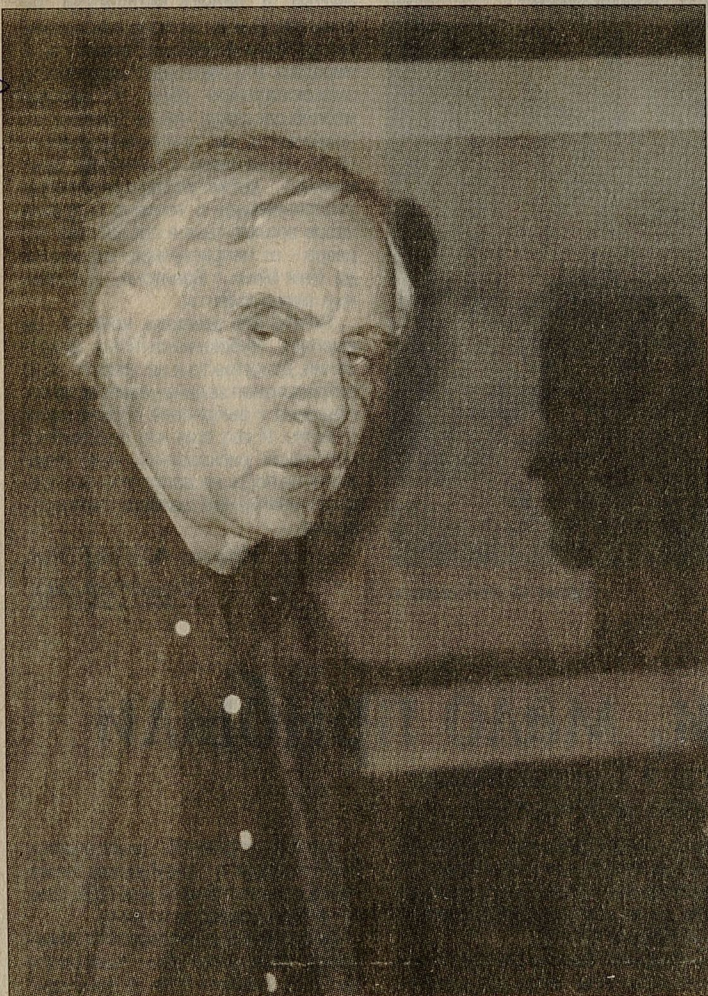
— Современники говорят о конформизме Кабакова, новое поколение либо не воспринимает его (Тимур Новиков), либо воспринимает как своеобразного "Сталина" (Олег Кулик).

— В России осталось очень мало произведений Кабакова: на нашей выставке представлено почти все, что можно было здесь собрать. В Третьяковской галерее висит лишь работа, купленная "Сотбисом" и подаренная Министерству культуры. На Родине практически не приобретали работы Кабакова, и он был здесь неизвестен. Незнание же порождала какие-то странности восприятия. Новое поколение требовало внимания к себе. Оно попало в очень энергичную ситуацию, когда надо было выживать не только социально, как шестидесятники, надо было выживать чисто экономически. Деньги все разрушили. Раньше можно было быть художником бедным, но знаменитым. Сейчас уже нельзя. Поэтому самозначимость поколения 80-х и определила критическую сторону по отношению к Кабакову. Но я думаю, что Кабакова все же достаточно уважают. На одной из последних конференций по абстракции в Русском музее его сотрудница Олеся Туркина проводила параллель между Тимуром Новиковым и Кабаковым. Действительно, Кабаков дал такой мощный импульс всему искусству, что к нему нельзя не ревностно относиться.

— С приходом Андрея Ерофеева деятельность Третьяковской галереи значительно оживилась. Прошла юбилейная выставка Горюховского, сейчас чествуют Бориса Турецкого. Казалось бы, и экспозиция к 70-летию Кабакова должна была развернуться там.

— Кабаков сам ставит определенные условия. Работ мало — и нельзя сделать достаточно полную выставку. Необходимо свозить вещи из многих музеев Европы и Америки. Это требует больших затрат и усилий. Сам Кабаков создает очень полноценные проекты и не согласится на неполную ретроспективу. Он готов сделать свою большую выставку, но только если она пройдет в Белом зале Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Помните, у него есть такая псевдоинсталляция, альбом "Муха с крыльями", действие которой происходит в Белом зале. Директор музея И. Антонова сказала, что она никогда этого не допустит. Вышел иронический конфликт. Кабаков, в свою очередь, заявил, что, когда это произойдет, он возвратится в Россию. На самом деле это необходимая доза признания — ведь по многим рейтингам, включая журнал "ART NEWS", он входит в число десяти ведущих художников мира. И вполне заслуживает уважения. Выставка, которая прошла несколько лет назад в музее Людвига, называлась "От Малевича до Кабакова" — неслучайно соединили эти два имени. И грядущая экспозиция должна соответствовать этому уровню, должна быть высокоакадемической. А это может произойти только при определенных совместных усилиях нашего общества, отечественных музеев, Министерства культуры и западных институций. Но это трудный процесс.

Вадим АЛЕКСЕЕВ

И. Кабаков

шей отечественной истории. Трудно переоценить его творчество. И если первая половина XX века прошла под знаком нашего авангарда и радикального взгляда на пространство, то вторая половина столетия, безусловно, стала продолжением этой традиции в формах образа и слова. Илья Кабаков принял эстафету русской литературы и соединил ее с визуальностью, развив достижения обэриутов 20 — 30-х годов. Проблема преодоления тесного пространства внутри тесной жизни и одновременно постоянное желание выйти как-то за пределы этого пространства и составляют смысл юбилейной экспозиции. О Кабакове и его месте в современном искусстве мы беседем с куратором московской выставки, искусствоведом Виталием ПАЦЮКОВЫМ.

— Сегодня почти все классики Второго русского авангарда живут на Западе. Почему же, на ваш взгляд, именно Илья Кабаков стал единственным его представителем в современном мировом искусстве?

— Кабаков — один из немногих художников поколения 60-х годов, который ввел в систему художественного переживания рефлексии. Он задался проблемой комментария, использовал слово, соединил слово с образом. Он как бы пересек границу модернизма и вошел в постмодернистскую культуру, сплошь строящуюся на необходимости комментария, когда произведение искусства не только обладает самодостаточностью, но и нуждается в контексте. Кабаков и создал этот контекст за счет традиций отечественной литературы. Если посмотреть на русское слово вообще, можно увидеть, как ни странно, что оно всегда занималось проблемой пространства, в котором мы существуем. Знаменитый монолог Бюлля о Птице-тройке, Руси, мчащейся, обгоняя народы и государства, заканчивается тем, что птица-тройка-Русь наталкивается на усы жандарма величиной с аршин. Это — тесное пространство. У Достоевского есть такая фраза, что комната Раскольникова была похожа на шкаф. У Кабакова, в свою очередь, есть альбом: "В шкафу сидят Примаков". Все это — наша тесная жизнь и проблема выхода из нее, создание модели общества за счет использования какой-то конкретной модельной ситуации. Кабаков посредством изображения жизни коммунальной кухни воспроизводит все русское пространство. Он умеет соединить совершенно конкретные локальные переживания, связанные подчас с личными разговорами на коммунальной кухне, в нашем очень сжатом интерьере с большим пространством. Он соединяет слово и изображение, проблему рефлексии и визуального переживания. Все то, что присуще, с одной стороны, постмодернистской культуре, с другой — русской мифологической жизни. Это-то и создало феномен Кабакова, одновременно позволив его искусству быть интерес-

шления. А дальше нас начинает засасывать физически — мы попадаем в его пространство как физическое тело, мы становимся не только наблюдателями, но и участниками этого искусства. Мы сами оказываемся персонажами в квадрате, если угодно, персонажами его персонажей.

— Большинство художников того времени занимались восстановлением преемственности с классическим авангардом и воспринимали современное искусство интуитивно. Кабаков пошел дальше — насколько он был знаком в то время с поп-артом или минимализмом?

— Чешский искусствовед Индрих Халупецкий придумал название "Школа Сретенского бульвара", в нее входили Янкилевский, Штейнберг, Кабаков, Булатов, Васильев. Они были действительно очень хорошо осведомлены о состоянии современного искусства. Они знали классический авангард, знали минималистические формы, новые традиции геометрии, постмалевичевскую культуру. Но все это было в рамках системы авангарда. А уже с 60-х годов, начиная с американского поп-арта, возникает поставленная авангардная ситуация. Кабаков просто был одним из первых, кто сумел увидеть рождение массового сознания. В свои не картины, но картины-объекты он стал вводить элементы массовой культуры. Он был пионером того сознания, которое потом переросло в концептуальное искусство, а текст стал играть такую же роль, как и изображение. Один из участников этой группы, Юрий Соболев, был очень серьезным теоретиком и ввел в современную культуру много новой технологии и терминологии. Разработанный им журнал "Знание — сила" был на уровне европейских стандартов.

— Художники "Сретенского бульвара" зарабатывали на жизнь не столько продажей картин дипломатам, сколь иллюстрациями — детских книг и научных журналов. Как взаимодействовали эти две стороны их жизни?

— Так как эта культура не могла быть представлена в официальной жизни, а надо было существовать, то в основном занимались книгой, Юло Соостер — фантастической литературой, а Кабаков, Пивоваров, Булатов — детской. Они и пытались разрабатывать формы нового сознания в детских книгах. И Кабаков придумал систему книги "Почемучка", где яркая визуальная наглядность соседствовала с текстом. Так что нет худ без добра — форма выживания создала новые художественные свидетельства, которые перешли затем в освоение так называемого "альбома". Кабаков и Пивоваров изобрели в начале 70-х годов форму "альбома", где соединили слово и изображение. И практика работы в детской книге дала здесь очень много. Так же, как некогда Янкилевскому опыт работы в мультипликации много дал для его пластических идей.

256